

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
ТАРИХИЙ ВА АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТИ

ЎЗБЕКИСТОН ХАЛҚЛАРИ МАДАНИЯТИ ТАРИХИДАН

Мақолалар тўплами

ЎЗБЕКИСТОН ССР «ФАН» НАШРИЕТИ

ТОШКЕНТ • 1965

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ УЗБЕКИСТАНА

Сборник статей

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ • 1965

ками, реального значения тех или иных терминов, определения специфических форм эксплуатации, причин различий в условиях аренды по районам и в различных отраслях сельского хозяйства. Специальной задачей является изучение издольщины в советских условиях и процесса ее изживания. Материал должен собираться путем записи возможно большего числа биографий издольщиков из разных районов. Только накопление такого материала позволит путем сопоставления отдельных фактов выявить как общие, так и своеобразные местные черты института издольщины.

Такой материал пока еще может быть собран, хотя и с большими трудностями, потому что людей, бывших в прошлом издольщиками, которые могут вспомнить подробности своей работы в хозяйстве бая, с каждым годом остается все меньше, и следует спешить с записью их ценных для науки воспоминаний.

Исследование института издольщины чрезвычайно актуально в наши дни. Если для советского народа изучение издольщины — это изучение его прошлого, то для ряда стран зарубежного Востока издольщина и сейчас тесно связана с их повседневной жизнью, она определяет и поныне положение беднейшего крестьянства, заинтересованного в скорейшем освобождении от этой тяжелой формы феодальной эксплуатации.

М. РУЗИЕВА

О ЗАНЯТИИ ЗЕМЛЕДЕЛИЕМ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА ТАШКЕНТА (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX в.)

Классики марксизма-ленинизма показали, что вследствие развития городов происходит дальнейшее разделение труда, проявлявшееся в отделении промышленности и торговли от земледелия, города — от деревни¹.

Для понимания процесса развития городской жизни в Узбекистане в прошлом большое значение имеет выяснение вопроса о том, в какой степени городское население занималось сельским хозяйством. Этот вопрос рассмотрен нами на материале г. Ташкента путем изучения занятий населения жилых кварталов Шейхантаурской части, которая являлась центральной и сравнительно более развитой частью города. Кроме этнографических (опросных) данных, были собраны и архивные.

В дореволюционный период в хозяйстве жителей Ташкента значительное место занимало земледелие. Большая часть городского населения, считавшая земледелие своим основным занятием, называла себя дехканами и имела как в городе, так и за его пределами землю, занятую садами и пашнями. Бурнашев и Пospelов², посетившие Ташкент в самом начале XIX в., а также П. И. Пашино³, побывавший здесь в 70-е годы, отмечают, что хлебопашество было главным занятием жителей города. В записке Потанина говорилось, что «хлебопашеством и садоводством жители города Ташкента занимаются тщательно, и благодарная земля с избытком вознаграждает их»⁴. П. И. Рычков⁵, П. И. Пашино⁶, путешественник Шубай

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология, К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 20, 49—50.

² Поездка Бурнашева и Пospelова в Ташкент в 1800 г. с примечаниями Я. Ханькова, Вестник РГО, ч. I, кн. I, СПб., 1851, стр. 29.

³ П. И. Пашино. Туркестанский край в 1866 году, Путевые заметки, СПб., 1868, стр. 130.

⁴ Записки о Кокандском ханстве Хорунжего и Потанина, СПб., 1830, стр. 14.

⁵ Топография оренбургская, ч. I, СПб., 1763, стр. 33.

⁶ П. И. Пашино. Указ. соч., стр., 130.

Арсланов⁷, Нурмухамед Алимов⁸, А. И. Добросмыслов, Н. А. Маев, Н. Г. Маллицкий, А. А. Диваев отмечали, что многие жители Ташкента занимались садоводством и земледелием. Из современных авторов вопрос о занятии ташкентских горожан земледелием затрагивают Ф. Азадаев⁹ и К. Фазылова, собравшая интересный этнографический материал о махалле Дероз¹⁰. Из описания махалли видно, что даже в этом центральном квартале города, носившем в основном промышленный характер (тут жили литейщики), земледелием занималась почти четвертая часть жителей¹¹.

Наши материалы свидетельствуют о том, что земельные участки были почти у всех жителей обследованных кварталов Шейхантаура. Их земли находились как за городом, так и в его пределах. Городские владения назывались «бог»¹², «майдон», а загородные земли — «дала» (занятые под сады — также «бог»). В черте города были не только сады и огороды, но и пашни, например, в кварталах Аркакуча, Бодак, Мерганча.

На земельных участках кварталов Дероз и Кудукбаши (район Укчи) было много садов и виноградников, владельцы которых переезжали сюда на лето (литейщики даже перевозили несложное оборудование своих мастерских), а потом стали жить здесь постоянно.

Земли, которыми пользовались горожане, делились на собственные и общинные. Владельцы собственных земель имели право продавать и покупать ее, передавать по наследству¹³. Некоторые богатые горожане владели довольно значительными участками. Например, жителю квартала Кият Шейхантаурской части Шамогмет Бекмогомедову в местности Казыкурбан принадлежало 160 танапов земли¹⁴. Продажа участков, расположенных в гуще кварталов, ограничивалась так называемым соседским правом — шапуқ. По возможности их продавали жителям своего же квартала. При этом прежде всего

⁷ Русский архив, № 8, 1888, стр. 415.

⁸ Материалы по истории России, т. 2, Оренбург, 1900, стр. 59.

⁹ Ф. Азадаев. Ташкент во второй половине XIX в., Ташкент, 1959, стр. 39, 176.

¹⁰ К. Фазылова. Ташкентский квартал литейщиков (махалля Дероз) в конце XIX — начале XX вв. Научные работы и сообщения, кн. 4, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1961, стр. 242.

¹¹ К. Фазылова. Указ. статья, стр. 243.

¹² Бог — фруктовый сад, т. е. земля, занятая под фруктовыми деревьями.

¹³ По архивным данным, большая часть этих земель переходила по наследству. «Описания недвижимостей города Ташкента», ЦГА УзССР, ф. И-37.

¹⁴ ЦГА УзССР, ф. И-17, оп. 1, д. 19851, л. 5.

учитывалось, не имеют ли ближайшие соседи каких-либо претензий. Это обстоятельство отмечают почти все опрошенные нами.

Однако накануне Октябрьской социалистической революции частная собственность на землю была уже настолько развита, что ограничение в продаже земли жителю другого квартала не могло уже строго соблюдаться. Так, три семьи из квартала Аркакуча имели землю в квартале Бодак¹⁵, три — в Кошикчилик Себзарской части, по одной семье — в кварталах Кашгар, Тахтапуль и Кудукбаши¹⁶.

До присоединения Средней Азии к России в связи с набегами кочевников-казахов те, кто имел загородные наделы, стремились приобрести участки и в городе. Постепенно с развитием промышленности и торговли — земледелие в пределах города начало терять прежнее значение. Многие участки занимали промышленные предприятия¹⁷. В связи с ростом народонаселения земли застраивались. Беднейшие горожане продавали свои наделы и переходили к чисто городским занятиям.

В этот период в хозяйственной жизни основную роль играют загородные земли. За Шейхантаурской частью города в середине 70-х годов числилось 1814 танапов посевов хлеба и 1896 танапов риса¹⁸.

По мнению Н. Г. Маллицкого, каждая махалля имела земельные участки «дала» в одном месте — «мауза»¹⁹. Этнографические, а также архивные материалы этого не подтверждают; они показывают, что по крайней мере к началу XX в. участки одного квартала находились в разных местах и не на той территории, которая была указана для данного квартала Н. Г. Маллицким. Например, в местности Ялангач имели земли жители кварталов Аркакуча (23 семьи), Бодак (8 семей), Дархон (6 семей), Ганчтепа (5 семей), Занжирлик (2 семьи) и по одной семье из кварталов Баляндмечеть и Гадроган. В местности Аккурбан землей владели 9 семей из квартала Ганчтепа, 5 — из Аркакуча, 4 — из Гадрогана, 3 — из Акмечети и 2 — из Джаркуча. Это результат купли-продажи земли. Раньше значительная часть пригородных земель (дала) была общинной собственностью, тогда земли квартала должны были находиться в одном месте. В общинной собственности горожан находилась также некоторая часть земель, распо-

¹⁵ ЦГА УзССР, ф. И-37, оп. 1, д. 1928, л. 181.

¹⁶ Там же, д. 1925, л. 101, д. 1928, л. 154, 155, 158.

¹⁷ Ф. Азадаев. Указ. статья, стр. 185.

¹⁸ Н. А. Маев. Азиатский Ташкент, Материалы для статистики Туркестанского края, IV, 1876, стр. 78.

¹⁹ Термин «мауза» наши информаторы не употребляли.

женных и в отдаленных от города районах. Общинные земли назывались «жамоа ери» или «уртадаги ер», иногда «чак» (общественная и передельная земля), так как они ежегодно подвергались переделам, а участки распределялись по жребию (чак) между семьями. Общинные земли в Ташкенте существовали накануне присоединения к России и после него²⁰.

В отличие от описанной в литературе системы обработки общинной земли в Сурхандарьинской и Кашкадарьинской областях пайкалами (группами)²¹, в Ташкенте общинная земля находилась в индивидуальном пользовании. Только некоторые работы выполнялись сообща (хашар): окучка (тешак), прополка, уборка урожая.

Архивные данные показывают, что между кварталами шла борьба за лучшие общинные земли. В 1880 г. жители кварталов Шатак, Чармак, Бодак, Ганчтепа и Аркакуча имели общинные земли в Кураминском уезде. Позже эти земли незаконно были переданы жителям кварталов Бодак, среди которых, вероятно, было много богачей, влиятельных лиц. Жители остальных кварталов обратились с жалобой к начальнику города Ташкента, требуя, чтобы земли были разделены между махалля, владевшими ими раньше²².

Иногда общинные земли захватывали в личную собственность «сильные люди». Так, находившаяся в местности Аккурган земля жителей Шейхантаурской части (кварталы не названы) была захвачена аксакалом Иногам Ходжой²³.

В 1880 г. жители квартала Мерганчи Шейхантаурской части подали жалобу, в которой говорилось, что они имели 100 батманов земли в Кураминском уезде на арыке Буз и 400 батманов в местности Пулемесь. Эти земли достались им от предков, но потом их отняли и жители квартала остались без хлебопашотной земли²⁴. Они просили русские власти не оформлять документов на продажу общественной земли, так как она «принадлежит только обществу»²⁵.

Иногда общинные земли переходили в казну, иногда отбирались для проведения дороги. Жители Шейхантаурской

²⁰ Ф. Азадаев. Указ. статья, стр. 179.

²¹ К. Шаниязов. Общинное землепользование в селении Каллык, КСИЭ, вып. XXXIV, М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 30.

²² ЦГА УзССР, ф. И-17, оп. 1, д. 19262, л. 3.

²³ Ф. Азадаев. Указ. соч., стр. 211, 212.

²⁴ ЦГА УзССР, ф. И-36, оп. 1, д. 1913, л. 14—16.

²⁵ Там же.

части имели земли за Саларом, на которых после присоединения стал возникать русский город²⁶.

Приведенные нами факты показывают, что хотя в конце XIX в. занятие земледелием жителей города Ташкента сильно сократилось, но в хозяйстве горожан оно еще занимало значительное место. Это свидетельствует о том, что, несмотря на бурное развитие города в конце XIX — начале XX в., отделение сельских занятий от городских еще полностью не завершилось.

²⁶ ЦГА УзССР, ф. И-17, оп. 14, д. 574, л. 1.

ЎЗБЕКИСТОН RESPUBLIKASI FANLAR АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОИЙ
FANLAR

2001

2

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Издается с мая 1957 г. Выходит по 6 номеров в год

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ИЗ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ТАШКЕНТА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Изучение истории городов Узбекистана является одной из главных проблем, стоящих перед историками республики. В условиях независимости Узбекистана наши историки получили возможность по-новому взглянуть на историческое прошлое Родины, по-новому оценить известные факты, которые ранее зачастую преподносились нам в извращенном виде. Это касается и истории столицы Республики Узбекистан — Ташкента.

На протяжении многих веков Ташкент занимал особое место в политической, социально-экономической, культурно-духовной жизни народов Средней Азии. Президент И. А. Каримов на встрече с избирателями Ташкента отмечал, что «Ташкент украшают древние части нашего города, то есть махалля, древние ворота. Старый город — это символ древности, национальности. Каждое название этих мест — это отрывок нашей истории и мы принимаем это как наследие от наших отцов и дедов. Мы должны быть верными нашим историческим ценностям, которые обогащают нашу жизнь, наполняют ее смыслом и содержанием, должны ценить их и донести до будущих поколений»¹.

Без изучения социально-экономической истории Ташкента второй половины XIX — начала XX в. нельзя воссоздать целостную картину нашего региона того времени.

В середине XIX в. Ташкент был крупнейшим центром внутренней, внешней и транзитной торговли края. Особенно большую роль играл он в качестве узла караванных путей, связывавших среднеазиатские ханства с Казахской степью, Россией и Западным Китаем. Во второй половине XIX в. усилились торговые связи Ташкента с Россией, что способствовало быстрому росту города и подъему его экономики. К середине XIX в. Ташкент был одним из важнейших культурных и ремесленных центров всей Средней Азии. К тому времени в городе было 50 000 жителей, 270 махаллей, 310 мечетей, 17 медресе, 11 бань, 15 сараев с лавками².

Ташкент был центром местного ремесленного производства всей Сырдарьинской области, и его изделия расходились далеко за ее пределы, удовлетворяя потребности коренного населения. Наиболее развиты были кожевенное, седельное, ткацкое производство и т. д.³

Ташкент тех лет был окружен высокими стенами, которые были сложены из глины, имели широкое основание и суживались кверху. Под стенами шел широкий и глубокий ров, на дне которого иногда, где позволяли условия, текла вода. В город вело 12 больших и 3 малых ворот. Большие ворота служили для пропуска арб, а малые едва пропускали всадника. Большие ворота носили названия: Кокандские, Кашгарские, Лабзакские, Тахтапульские, Карасарайские, Сагбанские, Чигатайские, Кукчинские, Самаркандские, Камеланские, Бешагачские, Коймасские, а малые — Тешиккопка, Янги-махалля и Сарбазские (Урда). Стены Ташкента достигали около 24 верст в окружности⁴.

Основными занятиями жителей города в середине XIX в. были многие виды ремесла, торговля и земледелие. Все жители, занимавшиеся одним видом промысла, жили в определенных махаллях или частях города. Так, по сведениям организационной комиссии (1868), жители махаллей Ахунгузар, Парчабоб и Джангох занимались торговлей и различными ремеслами; жители Тахтапуля, Себзара, Лабзака, Чувалачи, Карасарая и Яу были по преимуществу земледельцами⁵; в Шейхантаурской части в основном проживали литейщики, седельщики, ткачи, маслобой; в Себзарской — кра-

¹ Вечерний Ташкент. 2000. 7 янв.

² Вельяминов-Зернов В. В. Сведения о Кокандском ханстве // Вестник Российского Географического Общества. Т. XVIII. Кн. 5. СПб., 1856. С. 111.

³ Зыкин В. Восстание в Ташкенте в 1892 году. М.; Т., 1932. С. 6.

⁴ Очерки истории Ташкента // Биография М. Г. Черняева. Ташкент, 1915 (?). С. 5.

⁵ ЦГИА РУз, ф. 450, оп. 1, д. 7, л. 2—3; д. 449, л. 43—46; д. 482, л. 2—7.

сильщики, ткачи, сапожники, гуртовщики; в Кукчинской — кожевники, сапожники; на окраинах Бешагачской части — кирпичники и др.⁶

Простой народ жил бедно, часто довольствовался очень немногим и даже не всегда находил себе достаточных занятий внутри города. Многие жители занимались сельским хозяйством: садоводством, виноградарством, выращиванием хлебных культур. Характерно, что даже в черте города имелось не только сады, но и пашни, а с трех сторон город был окружен садами, тянувшимися на 2—3 и даже 5 верст⁷.

Вообще города Средней Азии к середине XIX в. еще не до конца отделились от сельского хозяйства. Так было и в Ташкенте. Но с 90-х годов XIX в. и особенно в начале XX в., с развитием товарно-денежных отношений, постройкой железных дорог, ростом хлопководства в крае, увеличением населения и т. д. в пределах Ташкента наблюдается уменьшение посевных площадей, поголовья скота и вместе с тем расширение торговли продуктами сельского хозяйства и скотоводства.

Данные архивных материалов позволяют нам утверждать, что до середины 60-х годов XIX в. в Ташкенте и за его пределами имелись так называемые общественные земельные участки, принадлежавшие жителям отдельных кварталов (например, в местностях Чартаг, Канли, Чалы, Канкус, по верховьям Бозсу и Чирчика, по Карасу, Тюрк-Арыку, Бушгену).

По данным организационной комиссии (1868), территория Кукчинской части города составляла примерно 50 верст в окружности⁸. Сел. Куйлюк (10 дворов), Ха-набад (15), Ногай-Курган (25), Шаштюба (12), Зенги-Ата (300) и Нишбаш (30 дворов) были окружены земельными (вполне возможно, общественными) участками жителей Бешагачской части города⁹.

В 1879 г. начальник города в ответ на запрос городской управы подтвердил, что «прежде, до вхождения Ташкента в состав России, все пахотные земли были чаковыс», т. е. жеребьевые¹⁰.

Последний передел общественных земель, принадлежавших жителям Ташкента, был произведен, по данным начальника города, за несколько лет до вхождения Ташкента в состав России, а с тех пор «у каждого на руках остался доставшийся ему участок на правах полной собственности»¹¹.

Орошение ташкентских земель производилось главным образом системой арыка Бозсу, берущей начало из р. Чирчик, и очень незначительную долю в северной части этой территории орошали воды арыка Зах. Арык Бозсу орошал земли г. Ташкента посредством 9 отводных арыков, а именно: 1) Карасу, 2) Йвиш, 3) Ялангач, 4) Кангарак, 5) Дарвазакент, 6) Салар, 7) Гадроган, 8) Ангар и 9) Кайкауз, имевших каждый, в свою очередь, массу мелких отводов¹².

Вся орошаемая территория Ташкента делилась тогда на 4 района, управляемых арык-аксакалами, которые носили название по имени наиболее крупной системы из тех, которые находились в их ведении, а именно: 1) «Саларский», 2) «Карасуйский»; 3) «Анхорский», 4) «Кайкаузский». Общее наблюдение за ирригацией города, а также производство работ по обеспечению поступления воды в голову ар. Бозсу были поручены заведующему ирригацией г. Ташкента¹³.

Н. Г. Маллицкий отмечал, что, «кроме махалля, существуют еще «мауза», т. е. урочища, или местности. Так, назывались загородные местности с частновладельческими, принадлежавшими горожанам участками, которые находились под полевыми или садовыми культурами и носили название «баг», т. е. сады или дачи. Горожане переселялись туда на летнее время. Есть основания думать, что в старину эти места, хотя бы отчасти, находились в общем пользовании жителей отдельных кварталов; иногда они и называются по имени соответствующих кварталов (Чувалачи, Явиарык, Хыябан, Тахтапуль). К началу XX в. таких общественных земель не осталось совсем, и даже места, непригодные для земледельческой культуры, а именно камыши, оказались состоящими в частном владении. Клочки общественных, точнее, ничьих земель уцелели лишь кое-где, особенно в Кукчинской части, в виде неорошаемых холмов»¹⁴.

Эти данные характеризуют приблизительный социальный состав жителей «старого города» и их экономическое положение. По переписи 1872 г., в «старом городе» проживало 41 799 человек¹⁵. Из них 6640 занимались земледелием, 3736 были чернорабочими (мардикеры, чарикеры и т. д.). В середине XIX в. рабочий без лошади получал в день от 37 до 50 коп. ассигнациями. Плата за месяц доходила до 8 руб. ассигнациями, а в год — от 5 до 7 тиллей. Поденщиками преимущественно бывали каратегинцы, которые отличались крепостью тела, трудолюбием и скромностью по-

⁶ Очерки истории Ташкента... С. 6—8.

⁷ Там же. С. 5.

⁸ ЦГИА РУз, ф. 1, оп. 16, д. 55, л. 80.

⁹ Там же, л. 81.

¹⁰ Там же, ф. 36, оп. 1, д. 1687, л. 2.

¹¹ Там же, л. 3.

¹² Там же, ф. 2231, оп. 1, д. 174, л. 110.

¹³ Там же, л. 110—110 об.

¹⁴ Маллицкий Н. Г. Ташкентские махалля и мауза. Ташкент, 1927. С. 4.

¹⁵ ЦГИА РУз, ф. 1, оп. 16, д. 175, л. 1—2.

требностей. Люди эти обыкновенно на один или два года спускались со своих гор и, заработав определенные средства, вновь возвращались к своим семействам¹⁶.

Большой интерес для нас представляют материалы переписи населения г. Ташкента, произведенной в 1872—1874 гг. русскими чиновниками. Правда, перепись эта велась неаккуратно, продолжалась более двух лет и вследствие этого были допущены неточности при подведении ее итогов. К сожалению, полного комплекта тетрадей этой переписи не сохранилось; по Бешагачской части нет ни одной тетради; по Кукчинской — сохранилось 6 тетрадей (№ 1—6), где зарегистрировано 1962 домовладельца; по Себзарской — 5 тетрадей (№ 1—4, 8), где зарегистрировано 3317 домовладельцев; по Шейхантаурской — 4 тетради (№ 2—5), где зарегистрировано 1989 домовладельцев¹⁷.

Тем не менее материалы этой переписи помогут нам в известной степени выяснить экономическое положение населения города. Там указаны фамилии и имена домовладельцев, количество семей, число жителей мужского и женского пола, число родившихся и умерших, количество скота, размеры обрабатываемой земли, наличие мастерских и лавок, занятия жителей, их оборотный капитал и сведения о грамотности населения.

Так, в тетрадях по Кукчинской части города зарегистрировано 1962 домовладельца, проживавших в 19 махаллах, в том числе: сапожников — 320, торговцев — 155, земледельцев — 125, арбакашей — 123, мардикеров — 72, нищих — 2. Кроме того, отмечены: маслобойщики, красильщики, медники, менялы, чайханщики, духовные лица и др. Оборотный капитал жителей этой части города составлял в среднем от 30 до 100 руб., но были и такие лица, оборотный капитал которых превышал 1000 руб.¹⁸ (например, только по тетради № 1 таких было 24 домовладельца)¹⁹.

Из материалов переписи видно, что определенная часть жителей Ташкента занималась земледелием: в Кукчинской части — 125 из 1962 домовладельцев, в Себзарской — 141 из 2084, в Шейхантаурской — 132 из 1684²⁰; 125 землевладельцев Кукчинской части обладали 1234,5 танапами земельной площади, 141 в Себзарской части — 1222,5, 132 в Шейхантаурской части — 1929, а всего 398 землевладельцев г. Ташкента имели 4386 танапов земли.

В 1892 г. пахотных земель в городе было всего 462 танапа²¹. С ростом населения город все больше нуждался в привозном хлебе. Так, в 1883 г., хотя урожай был удовлетворительным, он не мог обеспечить потребности населения Ташкента, да еще с располагавшимися в нем войсками. Населению города (81 404 человека обоего пола) требовалось хлеба тогда до 1 953 696 пудов (полагая на каждого человека до 24 пуда в год), на винокурение было употреблено 22 660 пудов, а всего — 1 976 356 пудов. Местный же урожай дал 32 858 пудов, остальное количество хлеба было доставлено на рынки города из ближайших уездов²².

В 1890 г. в Ташкент было доставлено 526 400 пудов хлебного зерна на сумму 318 140 руб., в том числе: пшеницы — 327 000 пудов на 166 000 руб., риса — 87 000 пудов на 66 200 руб., ячменя — 80 000 пудов на 35 150 руб., проса — 9600 пудов на 6090 руб.²³.

Как видим, сами ташкентские жители не могли обеспечить себя продуктами питания в достаточных размерах. К тому же посевы зерновых с развитием хлопководства непрерывно уменьшались. И если в 1872 г. в городе было получено пшеницы 33 000 пудов²⁴, то в 1886 г. — 18 920, а в 1890 г. — 9000 пудов²⁵.

Надо сказать, что Ташкент издавна славился своим хлебным рынком. Здесь продавались продукты не только своего производства, но из ближайших уездов области. К сожалению, статистики по хлеботорговле не велось, и сведения об этой важной отрасли экономической жизни города весьма скудны. Известно, например, что в 1886 г. в городе было продано пшеницы 241 905 пудов на 108 439 руб., крупы рисовой — 97 420 пудов на 75 597 руб., ячменя — 85 740 пудов на 29 729,5 руб., а всего на 213 765, 5 руб.²⁶.

В 1887 г. из Ташкента было вывезено риса 68 820 пудов на 113 360 руб., пшеницы (в зерне) — 1800 пудов на 1760 руб.²⁷, а в 1888 г.: риса — 84 900 пудов на 109 870 руб., пшеницы (в зерне) — 7200 пудов на 6140 руб.²⁸

¹⁶ Вельяминов-Зернов В. В. Указ. статья. С. 119.

¹⁷ ЦГИА РУС, ф. 36, д. 859—873.

¹⁸ Там же, д. 863—868.

¹⁹ Там же, д. 863, л. 1—24.

²⁰ Там же, д. 859—873.

²¹ Там же, д. 3391, л. 78.

²² Там же, ф. 17, оп. 1, д. 10249, л. 56.

²³ Там же, ф. 269, оп. 1, д. 19, л. 320—321.

²⁴ Там же, ф. 36, оп. 1, д. 963, л. 101.

²⁵ Там же, ф. 269, оп. 1, д. 19, л. 317—318.

²⁶ Там же, ф. 36, оп. 1, д. 2819, л. 246.

²⁷ Там же, д. 2956, л. 285.

²⁸ Там же, д. 3085, л. 299.

В 1891 г. цены на продовольственные припасы на ташкентских базарах были следующие (за 1 батман):

пшеницы — 7 руб. 40 коп.— 7 руб. 80 коп.;
 ячменя — 6 руб. 80 коп.— 7 руб. 40 коп.;
 риса — 11 руб. 80 коп.— 15 руб. 50 коп.;
 проса — 4 руб. 80 коп.— 6 руб.;
 маша — 11 руб.;
 джугары — 7 руб. 70 коп.²⁹

С 90-х годов XIX в. в сельском хозяйстве Туркестана, в частности Ташкента, начинают появляться новые сельскохозяйственные орудия. Например, в «Обзоре Сырдарьинской области» за 1893 г. говорилось, что «первобытные орудия земледельческого труда... по-прежнему держатся в хозяйстве узбеков, но, с усилением в области русского населения, европейский плуг начинает постепенно распространяться, и в отчетном году инвентарь хозяев области, как то зарегистрировано торговыми книжками Ташкентского склада земледельческих орудий, увеличился 121 плугом, 24 орудиями, 52 пропашниками, 17 культиваторами, 11 жатвенными машинами, 17 веялками и прочими орудиями европейского типа. Между покупателями все чаще и чаще встречаются крупные ... землевладельцы. С русской машиной также начинает знакомиться сельское население, которое, с понижением пока высокостоящих цен на усовершенствованные орудия, постепенно подготовится к работе более рациональными инструментами»³⁰.

В 1887 г., по данным канцелярии начальника города, в азиатской части Ташкента было 4343 земледельца³¹, а в 1897 г., по данным первой всеобщей переписи населения Российской империи, в Ташкенте в 23 974 хозяйствах насчитывалось 155 673 жителя, из них 4137 земледельцев³². Итак, жители все еще сохраняли связь с землей, занимаясь земледелием на своих участках как в черте города, так и вне его пределов. Но постепенно происходит сокращение числа земледельцев, площадь посевов уменьшается, а вместе с тем бурно развиваются товарно-денежные отношения.

Одним из важных видов занятий горожан было скотоводство. Об этом свидетельствуют данные табл. 1, составленной по сведениям из тетрадей переписи населения, проведенной в Ташкенте в 1871—1874 гг.³³

Таблица 1

Части города	Лошади	Верблюды	Рогатый скот	Овцы	Козы	Ослы
Шейхантаурская	968	18	2243	529	12	192
Себзарская	1333	73	2539	9740	177	545
Кукчинская	1396	169	2072	1211	25	295
Бешагачская	1006	14	1346	2328	—	199
Итого:	4703	274	8200	13808	214	1231

Как видим, большинство лошадей приходилось на Кукчинскую и Себзарскую части города, а рогатого скота и овец — на Себзарскую часть.

Скотоводство у ташкентских горожан было тогда подсобным занятием, составляя в быту лишь некоторое подспорье земледельческому хозяйству горожан. Но они ухаживали за скотом гораздо лучше, чем кочевое население края. У них лошади и быки имели значение как рабочая сила. Если у кочевого населения скот круглый год оставался на воле, кормился на подножном корму и во время суровых снежных зим часто происходил падеж животных от бескормицы, то у горожан дела обстояли намного лучше. Они заранее готовили на зиму сено и солому (от риса, люцерны и т. д.). Рогатый скот в хозяйстве горожан нужен был не только для потребностей целой семьи, т. е. обеспечения семьи молоком и молочными продуктами (каймак, сливки, айран, сыр, масло и др.), но и для пахоты как основная тягловая сила. Кроме того, волов очень часто употребляли для перевозки тяжелых грузов (в арбах и вьюком), а иногда под верховую езду.

²⁹ Там же, д. 3298, л. 5—8.

³⁰ Обзор Сырдарьинской области за 1893 год. Ташкент, 1894. С. 5.

³¹ ЦГИА РУз, ф. 36, оп. 1, д. 2956, л. 263.

³² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г./Под ред. Н. А. Тройницкого. Вып. XXXVI: Сырдарьинская обл. СПб., 1905. С. 4—5.

³³ Составлена по данным: ЦГИА РУз, ф. 36, оп. 1, д. 963, л. 140—146.

Торговля скотом в Ташкенте из года в год расширялась. Если в 1872 г. было продано 163 924 головы на 1 077 950 руб.³⁴, то в 1886 г.— 206 176 голов на 1 792 400 руб.³⁵, а в 1891 г.— 684 960 голов скота на 5 118 300 руб.³⁶

Таким образом, во второй половине XIX в. Ташкент становится крупным центром торговли между южными районами Казахстана и Чирчикской долины, т. е. экономическим центром оазиса и степи. Здесь ярко проявляется тенденция к тому, что степь и оазис составляют единый экономический комплекс. Дальнейшее глубокое изучение архивных и иных материалов позволит, очевидно, открыть новые грани в истории нашего города конца XIX — начала XX в.

М. Шарипова

³⁴ Туркестанский сборник. Т. 81. С. 493. Табл. 15.

³⁵ ЦГИА РУз, ф. 36, оп. 1, д. 2819, л. 244.

³⁶ Там же, л. 3298, л. 245—246.

К ИСТОРИИ АПТЕЧНОГО ДЕЛА НА СРЕДНЕВЕКОВОМ ВОСТОКЕ

В организации системы обслуживания жителей средневековых городов Востока особое внимание уделялось снабжению населения лекарственными и другими целебными средствами, что входило в обязанность аптекарей (ал-аттар) или «дорусозхо» — фармацевтов. Развитие фармацевтики и фармакопей как важных отраслей лечебной практики способствовало созданию специальных учреждений, организовавших сбор, хранение, обработку и реализацию лекарственных средств. Одним из таких наиболее ранних учреждений на Среднем Востоке явились аптечный сад и аптека при Гундишапурской больнице (V в.)¹. В таких садах разводились многие ароматические растения, как, например, базилик. В аптеках работали опытные фармацевты. Одним из них был Абу Закария ибн Масавайх (VIII—IX вв.), который в течение 30 лет снабжал Гундишапурскую больницу различными лекарственными средствами².

По данным литературы³, при лечебных учреждениях издавна существовали специальные лаборатории (аптеки) по приготовлению лекарств. Такие аптекарские лаборатории имелись в городах древнего и средневекового Ирана, Индии, Китая, Средней Азии. В Китае в конце VI в. была учреждена медицинская школа, при которой функционировала аптека. В ней трудилось большое количество работников: заведующий, ассистенты, фармацевты и дрогисты. При аптеке был разбит сад для выращивания лекарственных трав, где специально обученный персонал был занят сбором лекарственных растений и изготовлением из них различных препаратов. Он состоял из двух сборщиков лекарственных трав; восьми учеников и четырех садоводов-сторожей⁴. В древнем Иране аптеки можно было встретить даже при дворцах некоторых вельмож⁵. Позднее в специальных лабораториях, кроме растительных лекарств, опытным путем получали различные минеральные вещества и лекарственные препараты (жидкой, влажной, сухой консистенции).

В развитии лечебного дела и лекарственной службы большое значение имели такие отрасли науки, как алхимия, фармакология, фармацевтика. Еще в IX в. в некоторых восточных городах производились алхимические вещества, очистка и расфасовка минеральных или серосодержащих и других лекарственных средств, приготовление которых требовало специальных устройств с использованием особого оборудования. Так, на Востоке, впервые были сконструированы и введены в употребление перегонный куб, водная баня и другое оборудование химических лабораторий, практиковались также дистилляция, фильтрация и проч. В частности, ученый алхимик Джабир ибн Хайян (VIII—IX вв.) из Хорасана получал серную и азотную кислоту, нитрат серебра, хлорную ртуть, спирт и др.⁶ Ар-Рази также организовал свою химическую лабораторию, в которой проводил различные исследования; он написал 26 больших и малых трактатов, посвященных различным вопросам алхимии. Именно он предложил классифицировать вещества как имеющие минеральное, растительное и животное происхождение, первым сумел получить алкоголь путем сбраживания и начал использовать его в медицинских целях⁷.

¹ Нуралиев Ю. Медицина эпохи Авиценны. Кн. I. Душанбе, 1981. С. 64.

² Там же. С. 113.

³ Кадыров А. А. Древняя аптека на территории Узбекистана // Медицинский журнал Узбекистана. 1987. № 11. С. 71.

⁴ Лее Тьяо. Достижения китайской медицины в эпоху Суй (581—617) и в эпоху Тан (618—907) / Пер. с англ. проф. А. Н. Рубакина // Вопросы истории медицины. Вып. 6. М., 1947. С. 34—35.

⁵ Большая медицинская энциклопедия. Т. 17. М., 1960. С. 77.

⁶ Каримов У. И. Книга тайны тайн. Ташкент, 1954. С. 20—21.

⁷ Абул-Рazzaк Кадыра, Успехи наук на заре ислама // Курьер ЮНЕСКО. 1981. № 9—10. С. 49.